

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ЭКОНОМИКА: ТРУДНОСТИ ОБНОВЛЕНИЯ И ЗАДАЧИ ТЕОРИИ

*Федоренко Н. П., Дементьев В. Е., Овсиенко Ю. В.,
Перламутров В. Л., Сухотин Ю. В.*

(Москва)

Обсуждаются актуальные методологические проблемы выбора направления социально-экономического развития в сложных условиях перестройки. Приводится аргументация в пользу того, что задачи хозяйственного оживления и роста эффективности общественного производства осуществимы на рельсах социалистического выбора.

РЕФОРМИРОВАНИЕ ХОЗЯЙСТВА И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА

Долгие годы официально считалось, что социалистические отношения в советской экономике открывают полный простор производительным силам, обеспечивают принципиальные преимущества перед капитализмом и гарантируют победу в экономическом состязании двух систем. Довольно быстрый экономический рост 50—60-х годов, лидирующие позиции в таких престижных отраслях, как ядерная физика, авиакосмическая техника, казалось, подтверждали оптимизм. В моде было цитирование тревожных высказываний американских политиков об «отставании от России», прогнозирование даты выхода на первое место в мире и т. п.

Уверенность в «передовом характере» сложившихся социально-экономических отношений побуждала искать причины все яснее обозначавшихся и нараставших негативных явлений только в технико-экономической плоскости и в субъективных просчетах (отставание методов планирования от возрастающей сложности производственных структур, невнимание к тому или иному участку народного хозяйства, ошибки в распределении инвестиций между отраслями, регионами и т. п.). Соответственно и способы борьбы против торможения роста экономики, снижения ее эффективности стремились свести к организационно-техническим и воспитательным мерам — будь то директивы уменьшать нарастающее распыление капитальных вложений, повысить в них долю «активной части» основных производственных фондов, либо повсеместное внедрение кукурузы в сельскохозяйственное производство или ЭВМ и математических методов в народнохозяйственное планирование, либо, наконец, воззвания к рабочей чести и совести хозяйственников.

Однако практика всякий раз весьма жестко выявляла несостоятельность попыток добиться прогресса эффективности и качества хозяйствования при сохранении традиционной системы экономических отношений. Каждый ее участник даже при хорошем понимании подлинных интересов общества, высокой квалификации, деловых и моральных качествах вынужден действовать по определенным стереотипам, отнюдь не способствующим сохранению и развитию этих достоинств. Совокупный итог этих действий — расточительное использование материального и человеческого потенциала страны, нарастающий отрыв ассортимента и объемов производимой продукции от нужд общества и граждан, все большее отставание от высоких мировых стандартов производства и потребления.

Отклонения же от стереотипного поведения, попытки непосредственно руководствоваться общественным благом оборачиваются ухудшением социального положения и материального благосостояния, репрессивными реакциями со стороны других участников системы («не высовываться!»). Сколько начинаний угасло либо было выхолощено, едва переступив ворота цехов или заводов, где они возникали как усилия талантливых, умелых работников. Ясно, что никакая экономика не может выполнять свои функции нормально, если для этого требуются постоянное самопожертвование участников, отказ от борьбы за свои естественные интересы. Но коль скоро последняя оборачивается ущербом для общества, то налицо типичная ситуация превращения производственных отношений в оковы развития производительных сил.

Четверть века в СССР и в странах Восточной Европы проводилась весьма интенсивная реформаторская деятельность. В одних — с большим, в других — с меньшим успехом. Но, по-видимому, нигде еще не найдены вполне удовлетворительные формы социально-экономических отношений, механизмов хозяйственного регулирования, взаимодействия между социальными группами. Сам характер обновительных процессов — чередование не очень прочных успехов с непредвиденными неудачами, приливов и отливов в преобразованиях — довольно болезненно развенчивает былую убежденность в научном руководстве социально-экономической жизнью, демонстрирует преобладание сугубо эмпирической практики проб и ошибок.

Выход из порочного круга метаний возможен лишь при обращении к фундаментальной науке. Конечно, в накопленных ею знаниях есть пробелы, в концепциях — логические неувязки, несостыковки с фактами. Преодоление этих дефектов (путем новых исследований, пересмотра наличных теорий) далеко не всегда может быть выполнено в режиме «быстрого реагирования» на злобу дня. Выявление таких пробелов — не только побудитель активизации ученых (если им не мешают предвзятыми указаниями), но и острый предупредительный сигнал о необходимости сугубой осторожности в социально-экономической политике. Ведь за внешне абстрактными научными категориями стоят глубинные общественные отношения, жизненные интересы миллионов людей. Предпринимаемые вслепую радикальные реформаторские меры могут вызвать неожиданные массовые реакции, обернуться радикальным провалом.

Практика экономических реформ выявила ряд направлений, где особенно остро сказывается нехватка теоретического обеспечения. Нередки, к сожалению, факты незнания или игнорирования однозначно установленных и глубоко разработанных выводов науки. Пробелы же в ее представлениях, гипотезах далеко не всегда охлаждают реформаторский пыл.

Как представляется, особенно заметен дефицит понимания следующих проблем социально-экономической жизни.

Первая из них — взаимосвязь между социальными позициями участников экономической деятельности (характер собственности на средства производства, управленческих полномочий, распределения доходов) и их хозяйственным поведением, его мотивациями и стереотипами. Именно предвзятая уверенность в знании механизмов «экономического стимулирования» обернулась непредвиденными уродливыми формами хозяйственной активизации (обострением дефицитопорождающего диктата поставщика, инфляции — вместо ожидавшегося исцеления от этих недугов). Конечно, она отразилась и в неадекватных представлениях о закономерностях рационального ценообразования, денежного обращения и т. д.

Вторая — дореформенная система, хотя и ставшая оковами здорового хозяйственного развития, представляет собой внутренне цельный строй экономических отношений и взаимодействия интересов, приводимый в движение присущими ему закономерностями, и это — вопреки обыкновению трактовать данную систему как историческое недоразумение, как хозяйствование, направляемое лишь произволом начальства —

в нарушение «объективных экономических законов». Не раскрыв реально действующих закономерностей старой системы, вряд ли возможно радикально перестроить ее в новую. Ведь она укоренилась в нашей стране намного прочнее, чем в других реформирующихся странах, практически ликвидировав такие социальные уклады, как крестьянское и другое мелкотоварное хозяйство, на которые эти страны могут опираться. Поверхностное понимание старой системы рискует превратить реформирование в борьбу с ветряными мельницами.

Третья проблема — общие и принципиальные отличительные свойства разных социально-экономических систем и укладов. Особенно остро стоит вопрос о характере дореформенной системы и содержании реформаторской деятельности. Мнения здесь тяготеют к одной из двух взаимоисключающих позиций: а) дореформенная система с ее угнетающим воздействием на экономику и общественную жизнь — это результат деформаций, извращения подлинных принципов социализма или проще — не социализм; следовательно, ее реформирование должно реализовать девиз «больше социализма!»; б) она — не искажение, а воплощение названных принципов; поэтому содержанием реформ может быть лишь отход от социализма. Немало поводов для такой позиции подает поверхностное, некритическое восприятие самих принципов социализма, а вернее, набора «признаков» последнего, который обычно имеют в виду, не отличая ключевых от второстепенных, неспецифических, исторически преходящих. С течением времени некоторые из них обнаружили свою социально-экономическую неспецифичность (например, система социальных гарантий работникам), другие оказались плодом неправомерного обобщения тенденций, наблюдавшихся в экономике XIX в. Это прежде всего представление о социалистическом народном хозяйстве как «единой фабрике», где устранены все формы мелкого производства, а необходимость в договорных сделках, товарно-денежном обороте между участниками хозяйства отпала благодаря всеобъемлющим плановым расписаниям и указаниям.

Развитие производительных сил выявило нерациональность подобной сверхцентрализации, открыло новые источники жизнеспособности самостоятельного хозяйствования. Это — коррективы, отнюдь не смертельные для социалистической идеологии, ибо главное в ней — устранение раскола общества на господ и подневольных, т. е. достижение такого положения, при котором объект и субъект хозяйствования не отъединены, а совпадают.

Все откровеннее признаваемое ныне социально ущемленное положение трудящихся масс в дореформенной системе (безвластие, а то и грубая административная зависимость) указывает на то, что социализм сегодня — историческая задача, а не историческое завоевание. На пути к нему необходимо выбраться из болота экономического застоя. Для решения этих задач важно правильное понимание реальности, без которого любая социальная и хозяйственная политика чревата непредвиденными сбоями и провалами.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ И СОЦИАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ

Экономическая теория и реформаторская практика нуждаются в том, чтобы особенно пристально взглянуть в реалии нашего и современного капиталистического общества, а также в содержание социально-экономических идей. Сегодня можно уверенно констатировать, что в хозяйственную модель, на которую десятилетиями ориентировалась советская экономика, заложены неверные, а точнее говоря — устаревшие оценки и прогноз развития производительных сил.

В условиях бурного процесса концентрации и централизации производства в конце XIX в., осязаемо заменявшего рыночные связи независимых фирм планомерным управлением в крупных организациях, вытеснявшего отсталое, малопродуктивное мелкое производство, казалось

лишь вопросом времени окончательное исчезновение не только последнего, но и самого товарно-денежного механизма, рыночной экономики.

Во второй половине нашего столетия макро модель единой фабрики оказалась несостоятельной. Научно-технический прогресс открыл возможность и необходимость широкого возрождения рыночных механизмов, мелкого производства (малая механизация, информатизация и т. д.). При этом рост продуктивности позволяет такому производству в широких пределах обходиться почти без привлечения чужого труда. Нерациональность всеобъемлющего прямого, директивного управления качеством выявилась по многим направлениям. Особенно очевидна неразумность отказа от ориентации на платежеспособный спрос (т. е. от роли рынка как регулятора производства) в сфере производства продуктов и услуг для личного потребления. Это было бы равнозначно переходу на карточное rationирование, лишение потребителя свободы выбора, сколь бы ни апеллировали к доводам эффективной плановместности (заблаговременный учет потребностей, непосредственно общественное признание целесообразных затрат и т. п.). Карточная система оправдывает себя лишь в исключительных обстоятельствах острых нехваток, не восполняемых добавочным производством или подвозом. В остальных же случаях она только затрудняет потребителей и стихийно обрастает теневым рынком, демонстрируя свою ненужность. К аналогичным последствиям ведут любые виды «навязанного предложения», хотя бы и при формальном отсутствии карточного распределения.

Но не оправдалась и либеральная модель рынка в качестве единственного всеобъемлющего регулятора экономической жизни, не выдержав испытания великой депрессии капиталистической экономики 30-х годов. Современная индустриальная экономика — это система двух регуляторов, взаимодействующих в сложном и достаточно эффективном переплетении. Наша же экономика продолжала упорно воспроизводиться как модель единой фабрики, повторяя схему капиталистической фирмы конца XIX в. и милитаризованной экономики времен первой мировой войны. Почти полное отключение рыночного регулятора — одна из важных причин негибкости производства, слабого и запоздалого отклика на новые потребности и технико-экономические новшества. Поэтому непременное условие модернизации нашего хозяйственного механизма — это, конечно, повышение роли рыночного регулятора, что и предусматривается стратегией экономической реформы. Другой важнейший источник кризиса экономики — безответственность и некомпетентность руководства, порождающая «оппортунистический синдром», который проявился во всепроникающей бесхозяйственности, нерадивости, деградации качества, параличе управления.

Первая четверть XX в. оказалась и высшей точкой административно-фабричной организации трудового процесса капитализмом. Ее идейно-прикладными обобщениями стали тейлоризм по отношению к рабочим и концепция «идеальной бюрократии» М. Вебера по отношению к служащим, администраторам. Суть обоих подходов состоит в стремлении минимизировать отличия человека от орудия труда или технического командно-сигнального устройства, нейтрализовать личностный фактор производства. Жесткая дифференциация оплаты, штрафы, неотвратимая угроза увольнения довершали этот апофеоз дегуманизации трудовых отношений. Примечательно, что В. И. Ленин, считавший возможным использование научных элементов системы Тейлора в организации социалистического производства, подчеркивал, что только сами трудящиеся вправе определять масштабы и интенсивность такого использования.

Но эти своего рода рекорды превращения работников в стандартные, взаимосвязанные орудия чужой воли стали быстро утрачивать технико-экономическую целесообразность в условиях нового этапа развития производительных сил, ознаменованного разворотом научно-технической революции. Фактический ход экономической истории развенчал обе концепции — и всеобъемлющую административно-фабричную, и либеральную схему господства стихийного рынка в народном хозяйстве

при административно-командном угнетении работников внутри предприятия. Резко повысились роль самостоятельности и ответственности каждого работника, динамизм его ориентаций как неперменной предпосылки приемлемого качества работы. Обнаружились рискованность пренебрежения личностным фактором, неэффективность крупномасштабной растраты ценного «человеческого капитала» в беспорядочной борьбе за социальное выживание. Начинается большой поворот к гуманизации социально-трудовых отношений капитализма. Возникают и проходят практическую проверку доктрины человеческих отношений, патернализма, соучастия работников в управлении и в собственности корпораций. Широко развиваются (на основе идей социал-демократии, государственного дирижизма, общества благоденствия и т. д.) программы социального обеспечения работников, поддержки мелких производителей и т. д. Крохоборческая борьба за экономию на зарплате сменяется быстрым ее ростом, широким поощрением рационализаторского отношения к делу.

Не исключено, что торможение роста капиталистической экономики к началу 80-х годов связано с некоторыми переборами названного курса, требующего крупномасштабных государственных расходов и усиления налогового пресса. Отсюда естественны и последующие успехи «рейганомии и тэтчеризма», вызывающие восторг либералов-неоконсерваторов. Но вряд ли это способно подорвать уверенность в пользе гуманизации экономики. Ведь в отличие, например, от сбора налогов государством подавляющее большинство гуманизационных мер на производстве (организация и оплата труда, соучастие работников в управлении и т. п.) проводится самим бизнесом и не только самоокупается, но и приносит крупный эффект, улучшает позиции фирм благодаря активизации работников и повышению качества труда. Современное индустриальное производство явно не устремляется к тому типу социально-трудовых отношений, который господствовал полвека назад.

Меры по гуманизации диктуются не столько философско-этическими побуждениями, сколько тем, что они оказываются выгодными экономически и социально — поставляют производству квалифицированных, инициативных работников, конформистски настроенных, одобряющих наличный социальный строй. Это достигается и благодаря достаточно широким возможностям получить признание своих способностей, достижений, и высоким заработкам, определенной нивелировке образа жизни. Все вместе позволяет возрастающим массам людей не чувствовать себя ущемленными и отвечать на такую политику верхов наращиванием реальной трудовой отдачи, тем более, что крупные социальные пособия и гарантии существенно уменьшают зависимость трудящихся от произвола работодателей.

Напротив, наши трудящиеся, будучи формально совладельцами всего национального богатства, фактически очутились на положении безгласных нижних чинов. Официально декларируемое и реально наличествующее оказались разнонаправленными.

В целом можно, пожалуй, признать, что хотя и продиктованная утилитарными нуждами, но фактически осуществляемая гуманизационная линия в капиталистических экономиках оказалась плодотворнее для стимулирования трудовой активности и качества работы, нежели высокие, но не реализованные социальные установки в нашей системе. Так не следует ли тогда отказаться от такого рода установок?

В подобных ситуациях возникает вопрос: не разумнее ли ожидать, когда естественный ход развития, прагматические побуждения «власть имущих» приведут к более широким свободам и гарантиям. Такие фаталистические соображения нередко питают отказ от социалистической идеологии. Между тем отнюдь не ясно, насколько гуманоемким был бы пройденный путь естественного развития техники и технологии без активных действий в поддержку свободы, солидарности, справедливости — ключевых установок этой идеологии. Почему тогда подобные идеалы и сегодня — не только высокие моральные принципы, но и один из важ-

ных факторов мирового общественного прогресса? На наш взгляд, причины сводятся к следующему.

1. Производственные отношения, органически включающие уважение социального достоинства человека, становятся прагматически рациональными во многом тогда, когда он сам придает большое значение своему общественному статусу. Гуманистическая тенденция в развитии капиталистического производства формируется не просто как побочный эффект повышения роли интеллектуального труда, но не в последнюю, а может быть, даже в первую очередь и как следствие активного сопротивления творчеству в неволе. Это результат борьбы различных социальных сил, в том числе многих представителей интеллигенции, против интеллектуального рабства и физического насилия. Полагать же, что творчество и свобода — сиаемские близнецы, значит просто заниматься самообманом. В истории немало примеров, когда притеснение оказывалось своеобразным катализатором творческого гения. Достаточно вспомнить Эзопа, всю великую русскую литературу XIX в. Да и из более близкой нашей истории не вычеркнуть достижений ученых, специалистов, работавших за колючей проволокой. Самообман, упование на автоматизм становления гражданских прав и свобод, социально-экономического суверенитета личности могут обернуться рецидивом тоталитаризма.

2. Не принижая роли гуманизации условий труда на рабочем месте, демократизации экономических отношений в рамках предприятия, важно уяснить, кем выступает каждый рядовой работник относительно социально-экономической системы в целом. Знает ли он только «свой шесток» или участвует, причастен, ответствен за решения более высокого уровня? Не являются ли его «микровозможности» на деле эрзацсвободой, если он отлучен от творчества на макроуровне и оказывается объектом манипулирования со стороны правящей элиты?!

Опасность положения, когда общество является заложником интересов «власть имущих», особенно возросла после того, как человеческая деятельность обрела глобальный характер. Угроза необратимого разрушения окружающей среды в угоду интересам немногих стала реальностью. Без преодолевающей национальные границы солидарности, включая солидарность ныне живущих по отношению к будущим поколениям, эта угроза не может быть отведена.

3. Даже если исходить из объективной предопределенности общего хода исторического процесса, трудно оспорить его конкретно-историческую вариативность. Социальный и технологический прогресс разных стран предстает движением не точно «след в след», а словно бы по некоторому хотя и ограниченной ширины, но довольно просторному коридору, ведущему к «царству свободы». Вместе с тем от усилий всех и каждого зависит, пройдет ли общество такой путь, будучи притертым к более жесткой стенке этого коридора или сможет придерживаться его «человекоберегающей» стороны.

4. Чем сильнее экономика поражена вирусом аморализма, тем большую практическую значимость — даже для чисто экономического прогресса — обретает этическая сторона ее обновления. Ориентация в практической деятельности на честный, продуктивный труд или, напротив, на вымогательство, иждивенчество, экономический диктат — следствие не только наличного хозяйственного механизма, но и соответствующего морального выбора. Иначе не объяснить, почему в рамках одного и того же механизма ведения хозяйства одни группы населения предпочитают существовать за счет честного труда, другие же в большей мере уповают на мошенничество.

Солидарные общественные действия — сила, способная остановить цепную реакцию аморализма в экономике. Их лейтмотивом является стремление к тому, чтобы хозяином своей судьбы был каждый человек. Именно поэтому, когда заходит речь о равенстве, оно понимается прежде всего как равенство в свободе. И это рассматривается как основа справедливости. Вместе с тем равенство, свобода, справедливость — не только индивидуальные проявления: в одиночку человек мало что мо-

жет. Их продолжением и обобщением в реальности выступает солидарность работников — от первичных хозяйственных коллективов до общества как целого. Разумеется, это противоречивое единство. Но другого объективно не было и нет.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИДЕЯ: ОТРЕЧЕНИЕ ИЛИ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ

Идейная инфантильность, апология достигнутого в развитых странах или продолжение социалистических поисков с учетом опыта этих стран — в сущности перед таким выбором стоит экономическая, да и в целом общественная наука. Переосмысливать гениальные гипотезы и догадки гуманистов прошлого сложнее, чем возводить на них хулу. Не все способны устоять перед соблазном такого оханвания, особенно в условиях, когда по разным причинам наблюдается своего рода отлив общественных симпатий от социалистических идей.

Стоит ли удивляться современным трудностям социалистической идеологии, если среди нынешних критиков немало вчерашних ее адептов, теоретиков и пропагандистов? Такого рода ситуация — вовсе не редкость во все переломные моменты общественного развития, поэтому принципиально неожиданного в этом ничего нет. Единственно, что традиционно здесь можно сказать: «Единожды отрекшиеся, кто вам поверит?!»

Понятная и естественная неточность мыслителей прошлого в раскрытии возможностей человека и путей их реализации не может затмить гуманистического величия социалистических идей и установок.

Если Т. Мор [1] дал начальную теоретическую модель (после работ и высказываний Платона и других мыслителей Древней Греции), то Р. Оуэн практически доказал реальность предприятия на социалистических основах [2]. Был еще один, правда, крайне непродолжительный, социалистический опыт — несколько недель Парижской коммуны в 1871 г. В силу экстремальных условий гражданской и одновременно франко-прусской войны главное, что успела сделать Коммуна, были меры политические и военные. Отметим лишь декрет Коммуны о сдаче в аренду работникам предприятий и мастерских, владельцы которых бежали.

Опираясь на опыт социалистов-утопистов и в отличие от них, К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин предположили, что справедливо и коллективистски хозяйствующий союз тружеников возможен не в городе или на предприятии, а в масштабах общества. Они полагали, что, какова структура отношений собственности, такова и экономика, таково и общество. Общественная собственность рассматривалась прежде всего как гарантия коренных особенностей социалистического общества, представляющего собой добровольный союз свободных, ничем не стесненных в своем развитии людей [Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 477; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 232], т. е. ассоциация ради цели «обеспечить всем членам общества путем общественного производства не только вполне достаточные и с каждым днем улучшающиеся материальные условия существования, но также полное свободное развитие и применение их физических и духовных способностей» [Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 294]; его члены становятся не только работниками, но и совместными собственниками и сохозяевами основных средств производства. Разумеется, будущее общество ником образом не представлялось бесконфликтно-идиллическим, лишенным противоречий и борьбы. Такого рода идеология, широко проникавшая в свое время в советское общество, — продукт сталинских извращений и опошлений социалистического учения. Напротив, еще молодой Ф. Энгельс утверждал в 1844 г.: «Истина конкуренции состоит в отношении потребительной силы к производительной силе. В строе, достойном человечества, не будет иной конкуренции, кроме этой... Конкуренция отдельных лиц между собой, соперничество капитала с капиталом, труда с трудом и т. д. при этих условиях сведется к соревнованию, основанному на че-

ловеческой природе и пока сносно разъясненному одним лишь Фурье, — соревнованию, которое, с устранением противоположных интересов, будет ограничено присущей ему своеобразной и разумной сферой» [Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 562].

Несомненен гуманистический характер такого подхода к самому существу, к природе социалистического общества. Добровольность союза входящих в него людей подчеркивает его социально справедливый характер, позволяет нацелить весь воспроизводственный процесс на интересы всех членов общества, причем последние как члены ассоциации и руководят этим процессом, и одновременно осуществляют его.

Эти общие свойства должны, очевидно, реализоваться подобно любой социально-экономической закономерности через особенное (конкретные условия развития данного общества в данное время, историческое, культурное наследие и т. п.) и через единичное (люди и учреждения, принимающие решения, их умение следовать объективным потребностям или противостоять им, таланты, воля и т. д. и т. п.). Взаимодействие объективного и субъективного в развитии общества Г. В. Плеханов определяет следующим образом: «В общественных отношениях есть своя логика: пока люди находятся в данных взаимных отношениях, они непременно будут чувствовать и поступать именно так, а не иначе. Против этой логики тоже напрасно стал бы бороться общественный деятель. Естественный ход вещей (т. е. та же логика общественных отношений) обратил бы в ничто все его усилия. Но если я знаю, в какую сторону изменяются общественные отношения, благодаря данным переменам в общественно-экономическом процессе производства, то я знаю также, в каком направлении изменится и социальная психика, следовательно, я имею возможность влиять на нее. Более или менее медленное изменение „экономических условий“ периодически ставит общество в необходимость более или менее быстро переделать свои учреждения. Такая переделка никогда не происходит „сама собой“, она всегда требует вмешательства людей, перед которыми возникают, таким образом, великие общественные задачи» [3, с. 332].

Однако ни одна из указанных характеристик общества до сих пор не реализовывалась: общество не является добровольным союзом свободных людей, а государственная собственность на основные средства производства — исторически первая форма общенародной собственности — представлена не как именно первая, преходящая, долженствующая развиваться, но как «истина в последней инстанции». Соответственно и власть общества подменена самовластием бюрократии, опирающейся на государственный (и партийный) аппарат. Поэтому такое государство и не могло стремиться к максимальному удовлетворению потребностей и свободному, всестороннему развитию своих членов.

Таким образом, и особенное, и единичное в нашем развитии до сих пор не соответствовали общему пониманию социализма классиками марксизма-ленинизма.

Сказанное относится и к категории основного социально-экономического противоречия. Как известно, ведущие общественные противоречия всегда лежат в области отношений собственности на средства производства. Основное социально-экономическое противоречие социализма, исходя из приведенной его характеристики, заключается, как нам представляется, в двойственном положении трудящегося — как работника и как сословия собственника общественных условий производства. Естественно, что новые отношения собственности создают и адекватные себе противоречия. При общественных формах собственности они сложнее, чем в эксплуататорских общественных формациях, где стороны противоречия «географически» разделены, персонифицированы в антагонизмах классов и социальных групп.

Противоречие же социализма проходит через каждую личность, коллектив и уже на этой базе — через классы и группы общества. И разрешение основного противоречия социализма сложнее. Именно здесь — перекрестье общего, особенного и единичного. И тут конкретные обстоя-

тельства оказались иными, чем мыслились теоретикам социализма. За годы нашего развития сословническая функция трудящихся практически не приобрела сколько-нибудь существенного значения. Формы ведения общественного хозяйства, сложившиеся в основном в годы первой пятилетки в целях форсирования индустриализации страны, долгое время представлялись и воспринимались как имманентные социализму. Работник был поставлен в положение только работника «за свою зарплату», исполнителя заданий. А ведь именно здесь — корень провалов в хозяйствовании как основной, базовой сфере деятельности общества.

Актуальной теоретической и практической задачей является преодоление упрощенных представлений о диалектике становления социализма, о рациональных формах развития его противоречий. Все очевиднее становится несостоятельность попыток свести разрешение этих противоречий к нарастающей централизации управления, к всеохватному обобществлению (равно как, впрочем, и к «глобальной приватизации», что в последнее время стало проявляться как реакция на глобальное огосударствление). Объективно необходимой предстает более сложная структура обобществления, при котором объектом первоочередного общенародного присвоения выступают не отдельные предметы или орудия труда, а сама государственная «машина», являющаяся ныне одним из важнейших факторов производства.

Элементами рациональной структуры обобществления оказываются кооперативная, акционерная, муниципальная и другие формы коллективной собственности. Одновременно выявляются опасность отрыва меры обобществления от уровня развития производительных сил, полное игнорирование эффективности групповой, индивидуальной (частной) собственности. В разработке вопросов взаимодействия общественной и других форм собственности многое может дать тот большой теоретический и практический опыт, который накоплен современной социал-демократией. В частности, весьма привлекателен опыт многих хозяйственных кооперативов на акционерной основе в таких странах, как Финляндия и Швеция, где решения принимаются работниками предприятия по принципу «один человек — один голос» (разумеется, величина пакета акций влияет на размер личного дохода). Здесь работник и работодатель представляют собой неразрывное единство. При таком порядке господствует принцип трудовой солидарности в отличие от порядков капиталистического предприятия, где принцип другой: «одна акция — один голос». Во всех подобных случаях неизбежен факт возрастания числа работников, приумножающих своим трудом чужое для них имущество. В целом же можно утверждать, что только соучастие всех работников в общенародной собственности может дать надежную гарантию против расслоения общества на хозяев и нехозяев.

Опыт социалистов многих стран полезен в противодействии либеральному ригоризму, отрицающему роль солидарных начал в экономической жизни. Отстаивать такие начала непросто, поскольку это нередко воспринимается как защита сталинизма. Однако без социалистического противовеса пресс либерализма грозит смять и те небольшие социальные блага, выделяя которые партийно-государственный аппарат камуфлировал самовластие, и те тенденции в организации производства, которые объективно отвечали складывающейся кооперации труда.

Активное социалистическое движение необходимо и для предотвращения нового издания тоталитаризма, при котором всемогущество «денежных мешков» приходит на смену всевластию страха, физического насилия, обмана, прикрывающегося социалистической фразеологией.

Какова, на наш взгляд, реальная форма разрешения отмеченного выше основного социально-экономического противоречия?

С одной стороны, ее отражает общее для социалистических учений (и домарксовых, и марковского, и послемарксовых) представление о социалистическом обществе как едином общенародном трудовом кооперативе. Кстати, в наше время часто повторяется (и вульгарно извращается) мысль В. И. Ленина о «строе цивилизованных кооператоров». В дей-

ствительности она относилась не к коллективизации сельского хозяйства России, а в общем контексте социалистической мысли человечества выявляла объективную материальную основу трудовой консолидации общества, без которой нет и не может быть социализма. Этой идее без малого почти полтысячи лет.

С другой стороны, реалии второй половины XX в. выявили, как уже отмечалось, несостоятельность административного обобществления средств производства в форме государственной собственности (политизированной экономики). Здесь современному марксизму предстоит найти новые решения. Путь к ним, надо полагать, открыт признанием товарно-денежного, рыночного характера экономики при социализме конца XX в. Теперь надо идти дальше. По-видимому, рынок нужен социализму не только и не столько для того, чтобы сбалансировать хозяйство, заинтересовать в научно-техническом прогрессе и придать динамичный характер производству, повернуть его к потребностям человека как потребителя. Это и капитализм смог сделать.

Прежде всего и раньше всего рыночная экономика нужна социализму для того, чтобы в общенародном трудовом кооперативе поставить хозяйствующий коллектив (а через него каждого работника) в положение акционера этого кооператива, чтобы акционерная форма стала всеобщей реальной формой участия каждого субъекта хозяйства в общенародной собственности. В отличие от административной (только формальной, юридической) акционерная форма при ее развитии от индивидуала и мелкого производственного коллектива до народного хозяйства как целого превращает работника, коллектив, все общество на деле в реальных, совместных собственников, собственников средств производства. Такая экономика, где реализован этот принцип, только и может быть отнесена к социалистической: собственность на важнейшие условия производства не разделяет общество на работодателей и работников.

Акционирование — это наиболее демократичная форма организации хозяйствования: все работники (в соответствии со своим трудовым вкладом, выраженным в пакете акций) участвуют непосредственно или через своих прямых представителей в принятии важных заводских, региональных, общегосударственных решений, и все непосредственно живут за счет и в меру роста эффективности производства. Рынок ценных бумаг будет объективно ранжировать трудовые коллективы по уровню эффективности хозяйствования, т. е. давать им народнохозяйственную оценку и в соответствии с нею повышать или понижать их совокупные доходы.

Таким образом, социализм доводит акционерную форму хозяйствования до уровня экономики страны, а не только до предприятия, фирмы, корпорации. Общенародная собственность получает экономическое содержание. Ее не надо будет удерживать бюрократическим аппаратом. Ее будет держать общий экономический интерес, заинтересованность. У акционера одна общественная функция — сделать хозяйство эффективным, ускорять оборот общественного капитала, т. е. полнее удовлетворять потребности людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мор Т. Золотая книга, столь же полезная, сколь забавная, о наилучшем устройстве государства и о острове Утопии. М.; Л. Academia, 1935.
2. Оуэн Р. Избранные сочинения. Т. 1, 2. М.: Изд-во АН СССР, 1950.
3. Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. II. М.: Госполитиздат, 1956.

Поступила в редакцию
20 VI 1990